

Вольтер

**Письмо от Вольтера к
лорду Гервею 1740 года**

Франсуа-Мари Аруэ Вольтер Письмо от Вольтера к лорду Гервею 1740 года

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23129889

Аннотация

«А особливо прошу вас, милорд, не сердиться на меня, что я прошедший век называю веком Людовика XIV. Очень знаю, что Людовик XIV не имел чести быть государем, ни благодетелем Беля, Невтона, Галлея, Адиссона, Драйдена; но в век Леона X один ли сей папа все сделал?..»

Письмо от Вольтера к лорду Гервею 1740 года

А особливо прошу вас, милорд, не сердиться на меня, что я прошедший век называю веком Людовика XIV. Очень знаю, что Людовик XIV не имел чести быть государем, ни благодетелем Беля, Невтона, Галлея, Адиссона, Драйдена; но в век Леона X один ли сей папа все сделал? Не старались ли и другие государи образовать и просветить род человеческий? Однако имя Леона взяло верх, потому что он более других ободрял искусства. Какой же монарх в сем более оказал услуг человечеству? Какой монарх более расточал благодеяний, более отличался изящностью вкуса, более основал прекрасных заведений? Конечно он не сделал всего, что мог сделать – ибо он был человек; но сделал более, нежели кто либо другой – ибо он был человек великий. Сильная причина, заставляющая меня отлично почитать Людовика, состоит в том, что всем известные пороки его не помешали ему прославиться более всех своих современников, и что – несмотря на вопли миллиона людей, изгнанных им из Франции, и потому очернявших имя его – вся Европа уважает Людовика, и ставит его наряду с величайшими и добрейшими государями.

Назовите мне, милорд, монарха, который более привлек к себе чужестранцев, и который более ободрял заслуги своих

подданных. Шестьдесят человек иностранных ученых, в одно время получивших от него награды, без сомнения крайне удивились, что Людовик о них знает.

«Король, не будучи вашим государем – так писал к ним министр Кольбер – хочет быть вашим благодетелем; он поручил мне послать к вам приложенный вексель, в залог своего почтения». Богемец и датчанин получили письма из Версаля. Гильемини от щедрот Людовика XIV построил дом во Флоренции; он изобразил имя короля на передней стороне здания, а вы не хотите, чтобы оно сияло над семнадцатым столетием.

Его деяния должны служить вечным примером для монархов. Он поручил воспитывать сына своего и внука красноречивейшим и ученейшим мужам в Европе; дал места сыновьям Петра Корнеля, двум в военной службе, одному в духовной; возбудил рождающийся талант в Расине подарком, весьма важным для человека неизвестного и недостаточного. Когда гений Расинов созрел и достиг совершенства, в то время дарования, которые часто заграждают путь к фортуне, открыли ему доступ к сей богине. Он получил еще более – он пользовался благосклонностью, даже приятною такого монарха, которого каждый взгляд был – благодеяние. Расин участвовал в путешествиях, предпринимаемых в Марли (1688 и 1689), – чего многие из придворных тщетно добивались; он спал в одной комнате с королем, которому во время болезни читал образцовые свои произведения витийства

и поэзии – произведения, украшавшие хладное царствование Людовика.

Такая благосклонность, оказываемая с разборчивостью, воспаляет великие умы, и рождает ревнование. Похвально основывать заведения и подкреплять их; но заниматься одними заведениями иногда значит то же, что готовить пристанище для человека бесполезного и для человека великого, принимать в один улей и пчелу, и шмеля.

Людовик XIV обо всем заботился. Он покровительствовал Академии; отличал тех, которые старались отличиться; не истощал всех благодетелей своих для награждения одной какой-нибудь науки, одного искусства, подобно многим государям, которые ободряют не то, что достойно ободрения, но то, что им нравится; обращал внимание свое и на физику и на древности. Войны, которые он вел с Европою, не утомляли его; строя крепости, управляя четырьмястами тысяч солдат, он занимался сооружением обсерватории, приказывал провести меридиан от одного края королевства до другого – подвиг единственный в свете! Он повелевал печатать в своих чертогах переводы хороших авторов, греческих и латинских; посылал геометров и физиков во глубину Африки и Америки для приобретения новых познаний. Вспомните, милорд, что без путешествия и опытов, сделанных по его повелению учеными, посланными в 1672 году в Кайенну, и без Пикаровых измерений, Невтон не прославился бы своими открытиями о притяжении. Вообразите что Касси-

ни и Гугений, оставив отечество, притекли во Францию под покров благодетельного Людовика XIV. Не думаете ли, что самые англичане ничем не обязаны ему? Скажите же, при каком дворе Карл II приобрел столько вкуса, научился такой вежливости? Хорошие писатели Людовика XIV не были ли вашими образцами? Не из них ли мудрый Адиссон, который отличался самым точным вкусом, не из них ли часто извлекал превосходные критики? Епископ Бюрне признается, что изящный вкус, который придворные Карла II заняли во Франции, произвел у вас великую перемену даже в проповедях, несмотря на различие исповеданий: такую власть имеет здравый разум! Скажите, не по книгам ли, сочиненным в век Людовика, учились все немецкие принцы? При каком дворе в Германии не было французского театра? Какой государь не старался подражать Людовику XIV? Какой народ не соображался с французскими модами?

Вы ссылаетесь на пример Петра Великого, который насадил искусства в своем государстве, и был творцом нового народа; говорите, что век его не назван веком Петровым, и тем хотите доказать, что и я не должен минувший век называть именем Людовика XIV. Разница очевидна. Петр I, научась между народами чуждыми искусства, перенес их в свое отечество; Люовик XIV просвещал чужеземцев; все, даже погрешности его были полезны людям. Протестанты, оставившие владения его, принесли к вам ту самую промышленность, которая обогащала Францию. Неужели вы считаете ни

за что фабрики шелковые и хрустальные? Наши беглецы усовершенствовали оные в Англии; вы приобрели то, чего мы лишились.

Наконец, милорд, французский язык сделался почти общим. Кто сему причиною? При Генрихе IV был ли он в таком употреблении? Нет конечно; тогда по большей части говорили по-итальянски и по-испански. Наши знаменитые писатели произвели сию перемену. Но кто покровительствовал сих писателей? Кто ободрял их? Кто занимал их работою? Кольбер, вы скажете. Соглашаюсь с вами и утверждаю, что министр разделяет славу с своим государем. Но что бы сделал Кольбер при другом государе, при вашем, например, Вильгельме, который ничего не любил, при Карле II, короле испанском, и при многих других?

Поверите ли, милорд, что Людовик XIV преобразил вкус при дворе во многих художествах? Он выбрал Люлли в свои музыканты, и отнял привилегию у Ламбера, потому что Ламбер был человек посредственный, а Люлли с превосходным талантом. Он умел отличить ум от гения; задавал стихотворцу Кино материи для опер; назначал предметы для живописца Лебрена; защищал Боало, Расина и Мольера от их неприятелей; ободрял искусства, полезные и изящные, и всегда с намерением; ссужал суммами Ван-Робе для пользы мануфактур; выдавал миллионы денег индийской компании, им образованной; определял всегдашние жалованья ученым людям и храбрым офицерам. В его царствование совершились

великие дела, но сего недоволю; он сам был виновником оных. И так, милорд, позвольте мне воздвигнуть во славу его памятник, который посвящу пользе человеческого рода.

Я почитаю Людовика XIV не только потому, что он делал добро французам, но более потому, что он был благодетелем людей; пишу не в качестве подданного, но как человек; хочу изобразить минувшее столетие, не одного короля. Я не люблю таких историй, в которых повествуется только о приключениях государя, как будто ничего другого не было на свете; одним словом – мне более хочется писать историю великого века, нежели историю великого монарха.

Пелиссон мог бы написать красноречивее, нежели я; но Пелиссон получил за то деньги, и был придворный. Я не придворный и не брал денег; следственно остается говорить правду.